

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

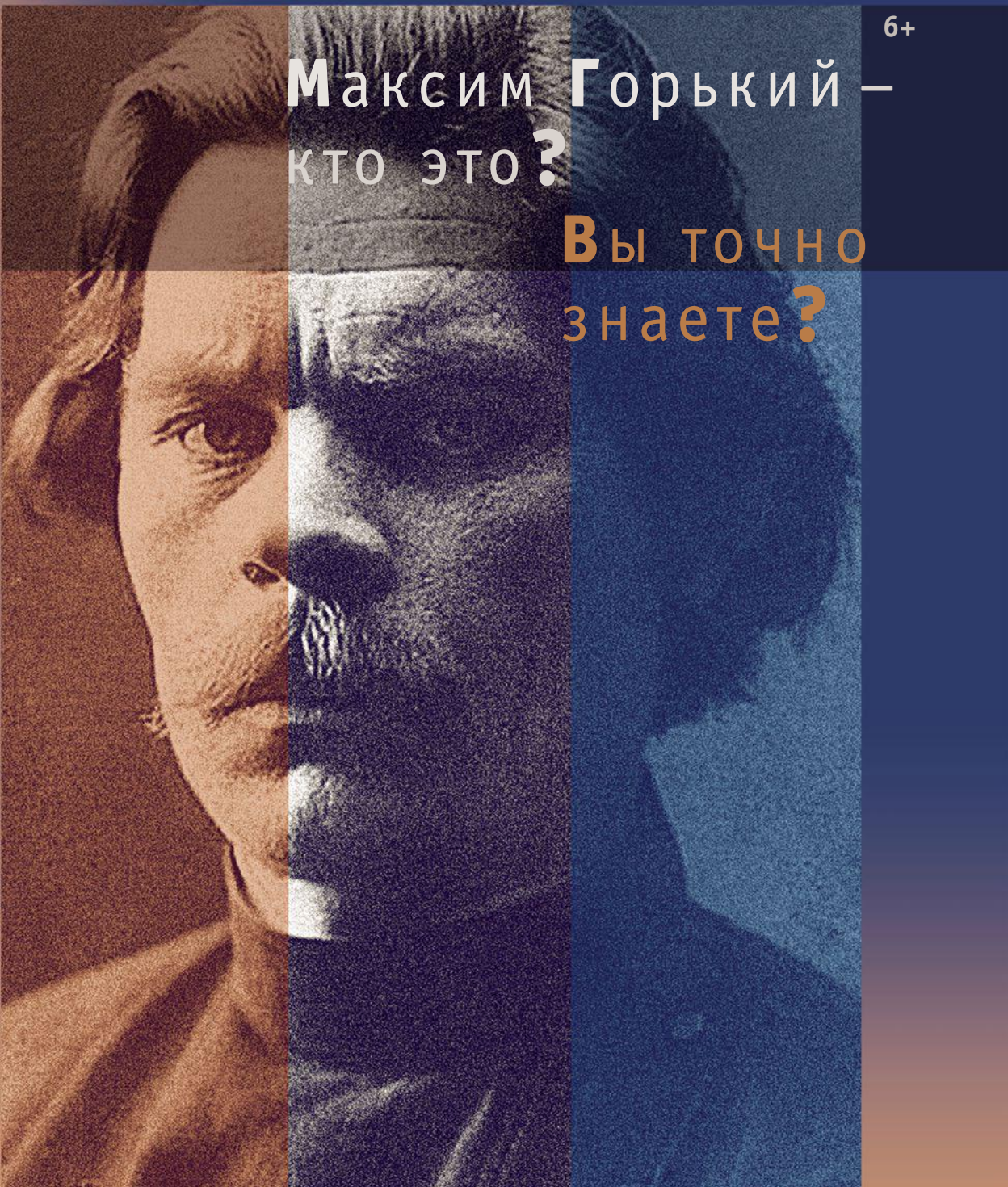
«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

3/2018

6+

Максим Горький –
кто это?

Вы точно
знаете?

Вильям Смит

**«Нет ничего
в мире сильнее
свободной
научной
мысли...»**

7. Кто же выпустил «джина генетики»?

Главное, с чем никак не могли справиться никакие лысенки и их покровители — это непрерывный поток волнующих новостей, которые постоянно появлялись в иностранных журналах в библиотеках научных институтов, в том числе и моего родного Института органической химии. Их никто не «фильтровал», и они воспринимались почти как новости с фронта или с другой планеты. Помню, что мы с друзьями, химиками и физиками, на полном серьезе обсуждали — а не пора ли нам выкинуть на свалку интересные, но частные проблемы наших наук и поскорее переключиться на решение грандиозных по масштабу задач молекулярной биологии?

Естественно, что когда по Москве разнеслась весть, что в Институте физпроблем на семинаре у академика П. Л. Капицы («капичники» — так принято было называть эти семинары) будут заслушаны доклады о проблемах современной генетики, в озна-

ченный час и день, а это было 7 часов вечера 8 февраля 1956 года, мы уже были среди тех, кто заполнил весь вход в Институт. Даже речи не было о том, чтобы войти в зал, — но на лестнице на второй этаж удалось все-таки кое-как разместиться. Это было первое после 1948 года официальное научное заседание, посвященное проблемам опальной науки. Его усиленно пытались сорвать сторонники Т. Д. Лысенко в Президиуме АН СССР и в ЦК КПСС. Дня за три до объявленной даты кто-то «сверху» позвонил в Институт физических проблем и предложил снять с повестки объявленные генетические доклады, как не соответствующие постановлению сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Эти лица утверждали, что против такого заседания возражает не кто-нибудь, а сам Н. С. Хрущев, первый секретарь ЦК. Но директора института П. Л. Капицу никогда не удавалось напугать анонимной ссылкой на мнение начальства. Он не стал медлить, тут же соединился напрямую с Хрущевым и спросил его, действительно ли тот возражает против проведения семинара по генетике в его институте? В ответ Хрущев сказал, не

Продолжение. Начало в №№ 1—2 за этот год.

очень стесняясь в выражениях, что это не его дело — заниматься семинарами в институтах. (В те дни он готовился к XX съезду КПСС, который открылся 14 февраля.) Если вспомнить, что именно на том съезде Хрущев сделал сенсационный трехчасовой доклад, разоблачавший культ личности Сталина, то приходится признать, что Петр Леонидович Капица интуитивно очень точно выбрал момент для проведения семинара на столь крамольную тему. Не исключено, что в иное время тот же Хрущев не удержался бы от запрета, просто услышав это, само по себе почти неприличное, слово «генетика».

Основной доклад на семинаре делал Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Тема доклада: «Биофизический анализ мутационного процесса». После него выступил академик Игорь Евгеньевич Тамм с сообщением о последних достижениях молекулярной генетики.

Как вспоминал впоследствии сам Н. В.: «Оба наши доклада отнюдь не носили какого-либо особого «боевого» характера. Они были нормальными, по мере наших сил и талантов, докладами на две общие генетические темы: мой — подводил итог определенного этапа в развитии радиационной генетики, а доклад Тамма освещал работы, открывавшие новое тогда направление в генетике и цитологии. Однако заседание явилось своего рода событием не только для биологической Москвы, но и далеко за ее пределами. ... Не думаю, что столь громкий успех обязан особому таланту Игоря Евгеньевича и тем более моему. Просто научная общественность, прежде всего молодежь, соскучилась по информации в этой области... Семинар явился достаточно веским прецедентом, сильно облегчившим и ускорившим процесс развития биологии в ближайшие годы».

Когда семинар закончился, сразу расхотелось — требовалось как-то поделиться впечатлениями. Помнится мне, что среди моих приятелей царило необычно приподнятое настроение. Конечно, прежде всего от то-

го, что мы услышали совершенно замечательные новости о последних достижениях молекулярной генетики. Но, может быть, в еще большей степени от ощущения возвращения к нормальному стилю разговоров о науке, в которых уже не будет места заклинаниям, почти шаманству «мичуринской биологии», и можно будет забыть о кошмаре лысенковщины. А еще было ощущение, мне особенно запомнившееся, что в лице Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского мы услышали/увидели/повстречали совершенно уникального человека.

Его лекция мне более всего запомнилась не ее конкретным содержанием — по своим интересам я был далек от биофизической тематики, а тем, что может быть названо, с известной мерой условности, эстетикой доклада. Доклад Н. В. подкупал не только своим абсолютно логичным построением, лаконичностью (подробности никому не нужны!), четкостью формулировки смысла основных результатов и следствий выполненной работы. Удивительным был и язык докладчика, безупречный по стилю, точный и звучный русский язык, что в сочетании с проникновенной глубокой тональностью его басового голоса производило впечатление почти артистичности исполнителя. Должен сказать, что ничего подобного мне ранее не приходилось слышать. Да и об академике Е. И. Тамме мои друзья-физики тоже отзывались, как о великолепном докладчике, но надо сказать, что на том семинаре-«капичнике» даже Игорь Евгеньевич, пожалуй, проигрывал в яркости Тимофееву-Ресовскому.

Но стоит сказать, что среди тех, кто оказался на «капичнике», были и такие, кто увидели в этом семинаре прецедент с совершенно другим смыслом и о своем видении не преминули сообщить «куда следует». Вот некоторые выдержки из одного из доносов, направленных секретарю ЦК КПСС А. Б. Аристову:

«Уважаемый Аверкий Борисович! Я представляю Вашу занятость, особенно в эти предсъездовские дни, но не могу молчать. Изменник на-

шей Родины биолог-мичуринец (?) ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ долго подвизался в гитлеровской Германии в Институте изучения мозга. После разгрома гитлеризма он был «возвращен» и сослан в Сибирь. Кто-то из единомышленников перетянул его в Свердловск — в филиал АН СССР, а теперь перетягивает в Москву как биолога-атомщика в Биологическое отделение АН СССР в Лабораторию «Радиобиологии» к Дубинину. Одновременно перед ним раскрыл двери Институт физических проблем АН СССР. Вечером восьмого февраля Тимофеев-Ресовский выступил в этом Институте с лекцией. Он сказал, что «изучал воздействие лучей на организмы, объектами были мухи-дрозофилы, чем сильнее поток лучей, тем больше их воздействие на организм». Вот и все для биологии. Какие изменения вызывают лучи в организмах и их потомстве — улучшают или уродуют — умолчал. Разумеется, что он умолчал — над какими объектами работал в Германии в 1942—1945 годах, и для каких практических дел использовались его исследования. Говорят, что он приглашен в Москву как биолог-атомщик... Для какого же биологического и атомного дела перетягивают его в Москву? Что ждут от него, и на кого он будет работать?

Открывая заседание, председательствующий академик Капица высказался о Тимофееве-Ресовском хвалебно, а после доклада вторично восхвалил его. Для чего же искусственно создают ему незаслуженный авторитет? ... И вот этого изменника Родины, этого «мага и чародея по созданию уродов», по УРОДОВАНИЮ животных и растительных организмов, тянут в Москву в АН СССР, допускают даже в Институт физических проблем, расхваливают и создают ему авторитет... Я видел его вплотную после доклада в Институте. Лицо и глаза его полны активной злобы. Мое впечатление — он не только не друг, а недруг, могущий стать опасным предателем, если осядет в Москве, в АН СССР, да к тому же возле Атомного дела.

Член КПСС П. Кралин, 10.II.1956 г.»

Ученый-биолог по имени П. Кралин мало чем прославился в своей науке. Однако его, видимо, хорошо знали в «руководящих инстанциях», ибо этот «сигнал патриота», а попросту — донос был немедленно переправлен в Академию наук, чтобы там приняли меры по «недопущению» Н. В. в Москву, что наша славная Академия тут же пообещала исполнить незамедлительно.

8. И один в поле воин!

Замечу, что ни в доносе Кралина, ни в «документе», выпущенном на его основе в ЦК КПСС, нет даже упоминания о том, что в 1946 году Тимофеева-Ресовского осудили не как изменника (будь так, он вряд ли бы уцелел), а за то, что он стал «невозвращенцем» — отказался в 1937 году вернуться в СССР. Известно, что в начале 30-х он вполне серьезно искал возможности возвращения в СССР. Однако его учитель и близкий друг Н. К. Кольцов очень недвусмысленно посоветовал ему не спешить с возвращением. «Из всех способов самоубийства Вы выбираете худший», — его буквальный ответ на просьбу Н. В. порекомендовать наиболее подходящее место работы в нашей стране. Конечно, отказ от возвращения в СССР был у нас уголовно наказуем, но само по себе это не обязательно считалось изменой родине. Так что все обвинения Кралина на самом деле являлись просто гнусной клеветой!

Появление Н. В., возвращение его из почти небытия многое изменили в научном ландшафте нашей страны — среди советских биологов появился ученый с действительно мировым именем, который никак и ничем не был замешан в лысенковщине. Его авторитет и резко растущая популярность были действительно опасны для лысенковцев, даже не для их «науки», которой просто не было, а для их официально утвержденного статуса, как главных спасителей сельского хозяйства страны, а заодно и советской биологии (и идеологии!) от бур-

жуазной порчи. Самое обидное для них состояло в том, что Тимофеев-Ресовский никогда не видел смысла в споре с ними, поскольку для него это было бы таким же абсурдом, как «спор современного врача с мордовской целительницей» (слова Н. В.).

Само существование Н. В., свобода и независимость его суждений, все то, что производило буквально вдохновляющее впечатление на молодую аудиторию, не могло не восприниматься как вызов для камарильи лысенковцев, привыкших к конформизму, бессовестности и безнаказанности лжи.

А ведь если разобраться, то кто такой был этот возмутитель спокойствия, угрожавший самому существованию всей кормушки под названием «мичуринская биология»? У него не было даже свидетельства о высшем образовании, как у всех «приличных» ученых! Правда, им было опубликовано множество статей и монографий, да и работы его были известны во всем научном мире, но ведь это был мир «буржуазной науки». Стало быть, надо еще проверить, а возможно ли его вообще относить к разряду советских ученых?

«Ну, а где и как это лучше всего сделать?» — «Правильно, пусть попробует защитить диссертацию, а мы посмотрим!».

И вот в Ленинграде в декабре 1957 года на Ученом совете Ботанического института АН СССР по защите докторской диссертации был заслушан доклад Н. В. Все оппоненты высоко оценили эту работу. Кроме того, на диссертацию было прислано более двух десятков положительных отзывов, в том числе шесть от действительных членов Академии наук СССР. Голосование прошло также убедительно в пользу диссертанта. Казалось бы, всё в порядке.

Но не будем спешить с выводами — ведь есть еще и Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Обычно здесь происходит чисто формальное рассмотрение и утверждение решения Ученого совета института. Но здесь случай явно необычный. По ка-

кой же причине? Вскрылась недостоверность выводов или факты плагиата в представленной работе? Да нет, просто сама фамилия «Тимофеев-Ресовский» вызывала реакцию неприятия у лысенковцев, а они и заседали тогда в комиссии ВАК. А потому выдается ответ: «Не утверждать решение Ученого совета». Нет, и точка!

Казалось бы, только и делов-то! Но раз Н. В. так и остался без степени, то, стало быть, на любой должности в исследовательском учреждении по закону он мог получать зарплату не выше, чем зарплата старшего лаборанта. А что, пустячок, а приятно! Но на счастье в Академии наук попадаются и здравомыслящие люди, и по личному распоряжению президента А. Н. Несмеянова для Тимофеева-Ресовского была назначена персональная зарплата более-менее приличного размера.

Повторная попытка «прорваться» через оборону лысенкоидов была предпринята в январе 1963 года. Защита проходила в Свердловске и все проходило, как и первый раз, без осложнений. Снова три десятка самых положительных отзывов от авторитетнейших ученых, единодушное голосование «за» присуждение искомой степени. Но снова почему-то затянулось время рассмотрения диссертации. Казалось, что опять хотели использовать ВАК в качестве «летального» оружия. Еще жила в памяти нервотрепка в связи с неутверждением ВАК результатов первой защиты в 1957 году. По словам Елены Александровны Тимофеевой-Ресовской, тогда они с мужем уже всерьез подумывали обратиться в ВАК с заявлением, что Н. В. «сам не хочет получать докторскую степень». Конец всей этой позорной и бессмысленной ерунде наступил через полтора года после защиты, когда осенью 1964 года Тимофеев-Ресовский был утвержден в звании доктора биологических наук. Как заметил Николай Владимирович, «не будь малого октябрьского переворота» (14 октября 1964 года был отстранен от власти Н. С. Хрущев), «моя диссертация еще долго пылилась бы в ВАК».

Успехи докладов по генетике на семинаре-«капичнике», пробудившийся и очень активный интерес среди научной молодежи плюс обнадеживающие шаги по организации генетических лабораторий в ряде институтов Академии наук в Москве, Ленинграде и Новосибирске внушали надежды на возрождение генетики в нашей стране. Хотя Н. В. был искусственно «выдернут» из научной среды более, чем на десять лет, он, конечно, хорошо представлял, насколько далеко зашло форменное «одичание» в советской биологии стараниями Лысенко с соратниками. Будь он в Москве, конечно, не удержался бы от того, чтобы не ввязаться в «драку» при первой возможности, а это у него всегда хорошо получалось!

Но советская власть будто бы намеренно исключила для него такую возможность — начиная с 45-го года он пребывал, что называется, «в краях, куда Макар телят не гонял!» Все началось с «посаже» (выражение Н. В.) в Берлине, затем последовали Карлаг, Бутырская тюрьма, больница, где его отыскивали уже в состоянии «доходяги». Но поскольку он представлял особую ценность как уникальный специалист по радиационной генетике, его срочно подлечили, откормили и поставили во главе Биофизического отдела и лаборатории в сверхсекретном объекте 0215 (то есть, отправили «на шарашку») на Урале. Вскоре даже разрешили приехать к нему жене, Елене Александровне, и младшему сыну Андрею. Однако только в марте 1955 года с него была снята судимость, и он и его семья получили возможность выезжать за пределы своего режимного учреждения. Впоследствии он так рассказывал об этом знаменательном событии: «Какой-то генерал-лейтенант МВД вручил мне какую-то бумагу, сказавши при этом: «Будем считать, Николай Владимирович, все бывшее — небывшим!». На что я пожал ему руку и ответил: «Включая пеллагу, Ваше превосходительство!».

В том же году он впервые приехал в Москву после 30-летнего пере-

рыва. В декабре 1955 года состоялось его первое публичное выступление на квартире математика А. А. Ляпунова. Среди его слушателей были как генетики старшего поколения, так и студенты и аспиранты из МГУ и других вузов. Этот доклад, как и последующее выступление Н. В. в «капичнике», на самом деле были очень важны — впервые в нашей стране было заявлено во весь голос об удивительных достижениях современной генетики. Это еще не означало конца лысенковщины, но было очевидно, что наступает конец господству идеологии как «единственно верной» в биологии.

Впечатления Тимофеева-Ресовского о том, что собой представляла биологическая наука, искалеченная до неузнаваемости усилиями «народного академика» и его соратников, хорошо описаны в книге Даниила Гранина «Зубр» и мне нет нужды подробно об этом говорить. Но особенно нелегко для Н. В. было узнавать, что даже среди тех, кого он привык уважать по воспоминаниям далекой молодости, нашлось немало таких, кто перешел на сторону лысенковцев. В разговорах с ними Н. В. слышал привычные оправдания типа «плетью обуха не перешибешь» и тому подобные объяснения их неблагоприятных поступков. И, конечно, ссылки на то, что «все так делают», и, в конце концов: «Ведь я не один в этой жизни, у меня жена, дети, коллектив лаборатории!».

Тимофеев-Ресовский не мог принять такого отношения — по свидетельству Д. Гранина, «он приходил от него в ярость». В нем еще жила генетическая память русских интеллигентов дореволюционной поры, когда подобная аморальность действий была просто немыслима и непростительна. Для него образцом поведения настоящего ученого был поступок одного из его учителей, профессора Михаила Александровича Мензбира, который в 1911 году подал в отставку в знак протеста против вторжения полиции в стены университета для усмирения студенческих беспорядков. Его уво-

лили из Московского университета без права преподавания в других университетах Российской империи. Немедленно более ста лучших профессоров МГУ в знак протеста подали прошения об отставке!!! Вспоминал он и Н. К. Кольцова, который отказался от уже назначенной на январь 1906 года защиты своей докторской диссертации, считая невозможным для себя участие в подобном акте через несколько дней после кровавого подавления декабрьского восстания. Рассказывая о своем учителе, Н. В. не преминул упомянуть о том, как в августе 1920 года на процессе по делу «Тактического центра» (целиком сфабрикованному чекистом Я. Аграновым), Кольцова приговорили к расстрелу, и он остался жив лишь благодаря заступничеству П. А. Кропоткина. Так вот — на протяжении всего судебного процесса и всего времени, что он пребывал в камере смертников, Н. К. наблюдал, как бы со стороны, за своим весом и самочувствием и отразил свои наблюдения в статье «Об изменении веса человека при неустойчивом равновесии», опубликованной затем в научном журнале. Что еще надо знать, чтобы охарактеризовать стойкость выдающегося человека и подлинного ученого?

Однако Н. В. также помнил о том, что и в те далекие времена не все из российских ученых способны были вести себя достойно при встрече с властью. К числу немногих исключений он относил зоолога А. Н. Северцова, который счел для себя возможным принять освободившуюся после отставки М. А. Мензбира в 1911 году кафедру на биофаке, несмотря на осуждение своего поступка коллегами. Но, как с удовлетворением констатировал Николай Владимирович, «до середины 20-х годов большинство москвичей, имевших отношение к науке, руки ему не подавали».

Не будем все же забывать, что все это случалось в какие-то иные времена, когда в обществе еще было живо понятие «чести». С тех пор это понятие как-то «вышло из моды», а ему

на смену пришли иные правила, о которых очень точно сказал поэт: «Ученый, сверстник Галилея, // Был Галилея не глупее. // Он знал, что вертится земля, // Но у него была семья» (Е. Евтушенко, 1957 год).

Понятно, что судьба науки в условиях господства идеологии тоталитарного строя не могла быть легкой. Но с образованием дело обстояло еще хуже. Почти два десятилетия в голы школы и студенты «втюхивали» всякую бредятину под названием «мичуринская биология» в противовес «буржуазной лженауке» — мэнделлизму-морганизму-вирховианству. Естественным результатом было появление поколения совершенно невежественных дикарей, которые готовы были поверить в то, что пшеница может превратиться в рожь, сосна в ель, а пеночка отложить кукушачьи яйца. Необходимо было что-то делать, чтобы положить конец этой погибельной практике. Молодежь надо было срочно спасать!

Но как этого добиться? По обычным правилам советской жизни для этого требовалось прежде всего «пробить» через всякое там партийное и государственное руководство саму идею необходимости реформ в преподавании биологии. Наверное, ценой невероятных усилий за два-три года можно было добиться признания необходимости таких реформ. В конце концов, наверное, разрешили бы устраивать конференции по ревизии образовательных программ, открывать курсы переподготовки учителей и преподавателей вузов и много чего еще, что могло придти в голову чиновникам из Министерства просвещения и/или высшего образования. Понятное дело, что реализация такого сценария должна была потребовать многих лет, даже если принять, что лысенковцы будут спокойно смотреть на происходящее и не примут мер, чтобы самую мысль о необходимости реформ «загубить на корню» с самого начала. Тоска и безнадега!

Продолжение следует